

Л. С. КУЛЬЧИЦКИЙ

М. А. Бакунин, его идеи и деятельность

Михаил Александрович Бакунин принадлежит к числу самых интересных и выдающихся личностей XIX века. Значение его в развитии анархизма громадно: он был творцом и организатором политического движения анархистского характера и углубил самую теорию анархизма. Деятельность Бакунина была весьма разносторонней, а ее арену составляли многочисленные страны и государства: Россия, Польша, Богемия, Германия, Франция, Италия, Испания и Швейцария.

Бакунин был прежде всего человеком дела, действия; его учение теснейшим образом связано с политической деятельностью, которою он занимался непрерывно, поскольку находился на свободе. <...>

Бакунин писал много, но никогда, по недостатку времени, не мог закончить своих более крупных трудов. <...>

В сочинениях Бакунина сквозит влияние четырех мыслителей: Гегеля, Прудона, Маркса и Конта.

Влияние первого сказалось в признании трех степеней в развитии реализации известных понятий: тезы, антитезы и синтезы; требование абсолютной свободы, по крайней мере в теории, является у Бакунина также остатком немецкой метафизики, от которой, за исключением этого, он освободился совершенно. В своих рассуждениях он всегда стоял на реальной почве и пользовался понятиями тезы, антитезы и синтезы только для диалектического объяснения фактических оснований своих доказательств.

На практике Бакунин всегда отступал от абсолютных принципов: его громадное политическое чутье, не позволяя в них замыкаться, толкало его к действию.

От Прудона Бакунин заимствовал критику государства, его отрицание — анархизм. Но в то время, как Прудон колебался и к концу жизни стал отступать от анархизма, Бакунин остался ему верен.

Под влиянием Маркса, Бакунин сделался горячим последователем идеи общинной собственности в противоположность собственности индивидуальной.

Наконец, Конт сделал Бакунина поборником индуктивного метода и решительным противником метафизики и туманного идеализма. Бакунин ознакомился с его идеями уже в пожилом возрасте, но все же успел проникнуться духом позитивизма. Влияние социологии Конта на Бакунина усматривается в его отношении к теологическому и метафизическому мирозерцанию.

Бакунин, по-видимому, не был свободен и от влияния Штирнера. Проживая в Германии, он, должно быть, читал его сочинение, ибо живо интересовался немецким философским движением.

Хотя Бакунин находился в известной степени под влиянием и других мыслителей, однако он не принимал их идей пассивно, ибо обладал собственной определенной и выдающейся индивидуальностью.

Представим здесь взгляды великого анархиста и начнем с более абстрактных, переходя к практическо-политическим.

«Все, что существует: существа, составляющие бесконечное целое мира, все вещи, имеющие в мире бытие, независимо от их количества и качества, как большие, средние, так и бесконечно малые, близкие или безмерно отдаленные, находятся вечно в состоянии действия и противодействия, которые, комбинируясь в одно движение, создают то, что называется взаимодействием (солидарность), жизнью и всеобщей причинностью»*.

Бакунин не считает это взаимодействие причиной первичной и абсолютной, но случайной причиной всех частных причин**.

Процессы, повторяющиеся в одинаковой форме в известной категории явлений, образуют собой законы природы.

Под природой Бакунин понимает не какую-либо мистическую идею, но сумму существ, вещей и явлений.

«Идеалисты всех школ, аристократы и буржуа, теологи и метафизики, политики и моралисты, люди религиозные, философы или поэты, не исключая либеральных экономистов, восторженных борцов за идеалы, все они, как известно, крайне обижаются, когда им говорят, что человек со своим величественным интеллектом, своими возвышенными идеалами и бесконечными стремлениями представляет собою, как и все существующее в мире, только продукт бездушной материи. Мы могли бы ответить им, что материя,

* Бакунин. «Œuvres», стр. 89 и 90 [ссылки на французское издание сочинений М. А. Бакунина].

** Ibidem, стр. 90.

о которой говорят материалисты, — материя самобытная, вечно движущаяся, деятельная, производительная, материя химически или органически определяемая и проявляющаяся благодаря особенностям и силам механическим, физическим, животным и разумным, которые ей неизбежно свойственны, что эта материя не имеет ничего общего с бездушной материей идеалистов. Эта последняя, продукт ложного отвлечения, есть на самом деле вещь совершенно не разумная, не живая, неподвижная, неспособная дать жизнь малейшему существу, мертвая голова, отвратительный призрак, противоположный прекрасной мечте, которую они называют Богом; при этом высшем существе, материя, их материя, оголенная ими самими от всего, что составляет ее истинную природу, разумеется, представляет собою величайшее ничтожество. Они лишили материю интеллекта, жизни, всех характеризующих ее качеств, деятельных отношений или сил, даже самого движения, без которого материя не имела бы смысла, оставляя ей лишь непроницаемость и абсолютную неподвижность в пространстве, и приписали все эти силы, особенности и естественные проявления воображаемому бытию, созданному их абстрактной фантазией; далее, переменив роли, назвали этот плод собственного воображения, этот призрак, этого Бога, который есть ничтожество, “высшим существом” и по неизбежной последовательности объявили, что настоящая сущность, материя, мир есть ничтожество. После чего нам серьезно заявляют, что эта материя неспособна ни что-либо произвести, ни даже двигаться самостоятельно и, следовательно, должна была быть сотворенной их Богом*.

Бакунин принял теорию Дарвина об изменении видов и происхождении человека.

Величайшим триумфом современного знания он считал введение психологии в состав биологии и утверждение, что все, что отличает человека от животного — самые высокие проявления духовной жизни имеют источником физическую организацию человека**. Бакунин перенес состояние современных ему психофизиологических знаний, не отдавая себе отчета в том, сколь значительные в них имеются пробелы, которые и теперь еще не заполнены целиком.

Человек, по его мнению, есть результат целого ряда влияний: расы, народа, слоя общества, наследственности и житейских обстоятельств***.

* Бог и государство, в собрании «Смесь», стр. 1 и 2.

** Ibid., стр. 81.

*** Бакунин. «Œuvres», стр. 180–182.

История есть не что иное, как удаление человека от животного состояния в направлении очеловечения*.

Бакунин считает экономические факторы фундаментом всех прочих сторон собирательной или общественной жизни. Этого принципа он, однако, не проводит последовательно, как это делает школа Маркса; отсутствие времени, постоянное участие в практической деятельности лишили его возможности придать своим теориям надлежащую точность.

По мнению русского марксиста Плеханова, Бакунин неправильно считал себя последователем экономического материализма, утверждая вместе с тем, что частная собственность есть результат существования государственной власти**.

Частная собственность возникла вследствие распада первобытных коммунистических групп, вызванного развитием обмена, разделением труда и установлением общественной иерархии. Эта последняя возникла и установилась главным образом как следствие войн между общественными группами, происходивших чаще всего по причинам экономическим. Таким образом, собственно, возникновение государства и власти было, наряду с прочими, причиной образования и упрочения частной собственности.

Экономический материализм Бакунина не был для него доктриной, которая разрешала в простой и несомненной форме сложнейшие общественные задачи, но скорее научным постулатом, который всегда нужно иметь в виду при рассмотрении социальных вопросов. Мы будем неоднократно иметь возможность убедиться, что Бакунин действительно придавал наиболее веса экономическим факторам.

Он общество считает фактом первичным, а не результатом договора ряда лиц, соединяющихся для борьбы за существование в группы***.

Бакунин в сочинениях своих**** выяснил точным и подробным образом влияние религиозных верований на социальные отношения. В этом смысле сочинения его имеют социологическую ценность и заключают в себе подчас важные наблюдения, которые, однако, он не успел развить.

Чувство зависимости человека от природы и ее могущества Бакунин считает источником религиозных понятий*****. Уже в животном мире есть элементы, могущие дать повод возникновению религии,

* Ibid., стр. 185.

** Плеханов. «Anarchismus und Sozialismus», стр. 47.

*** Бакунин. «Œuvres», стр. 266.

**** Бакунин. «Бог и государство» и «Antitheologisme».

***** Бакунин. Antitheologisme, стр. 97 и 98.

которая, однако, разниться может лишь в мире человека. Начало ее — страх. Это чувство должно было быть у первобытного человека более сильным, чем и у других животных, ибо он был слабее вооружен физическими средствами борьбы с окружающей его природой. Фетишизм¹, первичная форма религии, есть не что иное, как религия страха. После фетишизма, а зачастую и одновременно с ним, появляется культ волхвов². Они — посредники между богами и людьми. По мнению Бакунина, первобытный человек искал бога первоначально в предметах действительно существующих: звездах, луне, солнце.

Человеческий ум начал постепенно охватывать вселенную. Способность отвлечения со временем привела его к сознанию Бога как единой первопричины.

Бакунин не останавливается над отдельными стадиями в развитии религиозных понятий, зато все свое внимание сосредотачивает на обнаружении социальных следствий существования уже развитой религии, основанной на вере в Бога, в загробную жизнь, а, стало быть, — в бессмертие души.

Трактат свой об антитеологизме³ Бакунин начинает так: «Мы убеждены, что никакое великое политическое и социальное преобразование не совершается без аналогичного и сопутствующего ему движения в сфере философских и религиозных идей, господствующих в сознании личностей и общества»*.

Далее он доказывает, что все религии с их Богом суть только плод фантазии верующего человека, не стесняемой самостоятельным мышлением, опирающимся на науку. «Религиозное небо есть не что иное, как иллюзия, в которой экзальтированный верой человек так долго находил свой собственный образ, но лишь увеличенный»**.

«Христианизм есть религия *par excellence*, ибо представляет собою и выражает самую природу и экстракт всех религий, а именно: убожество, уничижение, систематическое и абсолютное подчинение человечества святости — наивысший принцип не только всякой религии, но и всякой метафизики, безразлично деистической или пантеистической. Бог есть все, а реальный мир и человек — ничто. Бог есть истина, справедливость и бесконечная жизнь; человек — ложь, несправедливость и смерть. Бог есть господин, человек — раб. Будучи неспособен сам к открытию пути к правде и справедливости, человек должен это открытие получить свыше, как откровение, чрез посредство посланных и избранных божественной благодатью. Кто говорит: откровение, называет носителя откровения — пророка, по-

* Бакунин. *Œuvres*, стр. 61.

** *Ibid.*, стр. 61–62.

па, а те, раз признанные представителями божества на земле, воспитателями человечества и инициаторами в нем, этим самым получают полномочия здесь, в юдоли, им управлять и приказывать. Все люди должны верить им и беспрекословно повиноваться. Рабы Бога (люди) должны быть еще рабами Церкви-Государства, поскольку последнее освящается церковью. Из всех религий, какие существовали и существуют, это поняло одно христианство, а из всех христианских сект это проповедовал и осуществил с точной последовательностью лишь католицизм. Вот почему христианство есть религия абсолютная, и почему апостольская и римская церковь есть церковь единственно последовательная, правоверная и божественная*.

«Если Бог существует, то человек — раб. Если человек разумен, справедлив, свободен, то Бога нет...

Какой бы ни носило характер интеллектуальное рабство, результатом его будет рабство политическое и социальное»**.

Наибольшее препятствие для эмансипации человечества представляют, по мнению Бакунина, христианство и доктринерская и деистическая метафизика, доказательством чего является то обстоятельство, что все государственные люди в Европе, не веря лично ни в Бога, ни в дьявола, поддерживают всякую метафизику или религию, поскольку они проповедают бездействие, подчинение и терпение***.

«Ничего нет естественнее того, что вера в Бога, творца, устроителя, судью наказующего, спасителя и благодетеля мира сохранилась в понятиях масс и сильнее среди крестьян, чем среди городского пролетариата. Народ, к несчастью, еще крайне темен и удерживается в невежестве систематическими усилиями всех правительств, которые не без основания считают это невежество одним из необходимых условий своего могущества. Забитый повседневным трудом, лишенный свободных минут, умственных занятий, чтения, наконец, всяких средств и значительной части стимулов, развивающих в человеке способность мышления, народ чаще всего принимает огульно и без критики религиозные предания, которыми его окружают с самых ранних лет во всех обстоятельствах»****.

Бакунин пытается этим путем объяснить религиозность народа, затем упоминает о религиозности государственных людей по расчету и, наконец, переходит к категории людей, состоящей из личностей настолько образованных, что они не верят слепо в догмат, но недо-

* Бакунин. *Œuvres*, стр. 62–63.

** *Ibid.*, стр. 64.

*** *Ibid.*, стр. 65.

**** Бакунин. *Бог и государство*, стр. 6.

статочны смелых и решительных, чтобы порвать вообще со всякой религией.

«Они предаются глумлению все отдельные абсурды религии, высмеивают всякие чудеса, но отчаянно придерживаются самого главного абсурда, источника всех остальных, а именно — существования Бога. Их Бог ничуть не есть существо сильное, могущественное, позитивный бог теологии. Это сущность туманная, прозрачная, обманчивая, настолько обманчивая, что в ту минуту, когда кажется, что она уже схвачена, она превращается в небытие, пустоту. Это просто зрительная иллюзия, блуждающий огонек, который не греет и не светит. А однако ее держатся и думают, что если она исчезнет, то все вместе с ней пропадет. Это колеблющиеся, больные души, не могущие дать себе отчета в том, что такое истинная, действительная цивилизация, не принадлежащие ни к настоящему, ни к будущему, бледные призраки, вечно висающие между землей и небом и занимающие вполне подобающее себе место между буржуазной политикой и пролетариатским социализмом. Не привыкшие к основательному изучению и мышлению, лишенные притом силы воли, сил решиться на что-либо, они тратят свое время на усилия примирить то, что примирить нельзя. В общественной жизни таких людей называют буржуазными социалистами. Никакие споры с ними невозможны, — слишком эти люди слабы»*.

После этой общей характеристики серой толпы метафизических идеалистов, Бакунин переходит к идеалистам крупной мерки, которым нельзя отказать ни в интеллекте, ни в смелости, ни в самопожертвовании — к Мадзини⁴, Мишле⁵ и другим. Он упрекает их в недостатке анализа строго философского, логического, в склонности принять на веру то, что у масс считается вечной истиной и что ею считалось от века; причем отмечает, что всеобщее признание чего-либо истиной не доказывает еще, что это есть и на самом деле истина; он ссылается на исторические свидетельства, на судьбу истин, открытых Коперником⁶ и Галилеем⁷, сначала всеми отвергнутых и противоречащих верованиям, державшимся веками**.

Бакунин полагает, что много толковых людей верит или утверждает, якобы верит, — из идеально-практических побуждений, так как им кажется, что такая вера необходима для общественного блага. Этот предрассудок он опровергает, заявляя, что признание существования высшего существа ведет по необходимости к рабству человека.

* Бакунин. Бог и государство, стр. 7.

** Ibid., стр. 8 и 9.

Наконец, перефразируя знаменитое изречение Вольтера⁸, говорит, что если бы существовал Бог, необходимо было бы его уничтожить*.

Бакунин видит точную аналогию или, вернее, действительный параллелизм между методом, которым пользуются государственные люди и правительства в централизованных государствах. Как в первом, так и во втором случае, в доказательствах и действиях он идет сверху вниз: в метафизике — от какой-нибудь абсолютной истины к частностям; в государственной политике — от центрального правительства к властям местным. Зато позитивная философия — демократична, ибо образуется снизу вверх, начиная от фактов и ведя к наивысшим обобщениям, из них выработанным.

Бакунин метко уловил основную ошибку идеалистической этики — искание оснований нравственности в личности, в отдельном человеке, а не в обществе, которое фактически создает ее и обуславливает**.

«Как неизбежное следствие идеализма в теории, рождается на практике грубейший материализм; очевидно, его поборниками в жизни являются не те, которые проповедуют его сознательно — ибо обычным для них результатом бывает бесплодность всех их усилий, — но те, которые стараются применить свои принципы к жизни и обществу постольку, поскольку таковые позволяют овладеть собой доктринам идеализма»***.

Желая свое утверждение обосновать фактически, Бакунин останавливается на сравнении греческой и римской цивилизаций в древности с итальянской и немецкой в новые века. Из рассмотрения характера упомянутых цивилизаций вытекает, что цивилизация греческая, носящая резко материалистические черты, в конечном счете является идеалистической. Зато римская, менее материалистическая цивилизация отличалась грубостью и кровожадностью. Бакунин тут вполне прав; действительно, греки подняли несравненно выше человеческий дух в его всестороннем развитии, чем римляне, которых умственное и эстетическое достояние без сравнения меньше, чем у первых.

Переходя к цивилизациям Италии и Германии, Бакунин говорит: «Первая цивилизация в своей типичной форме, без сомнения, представляет собою материализм; вторая, напротив, представляет все, что есть наиболее отвлеченного, наиболее чистого и трансцендентального в идеализме. Посмотрим, какие же практические результаты одной и другой». «Италия теперь уже оказала великие услуги делу освобождения человечества. Она была первой страной, воскресившей и применившей в полной мере начала свободы в Европе и вернувшей

* Бакунин. Бог и государство, стр. 15.

** Бакунин. Œuvres, стр. 298.

*** Бакунин. Бог и государство, стр. 26.

человечеству черты благородства, это значит: промышленность, торговлю, и поэзию, искусство, точные науки и свободомыслие. Придавленная в течение трех столетий императорским и папским абсолютизмом и втоптанная в грязь своей господствующей буржуазией, она теперь возрождается и снова выступает на арену, правда, очень пошатнувшейся в сравнении с тем, какой была некогда. Но все же насколько эта страна разнится от Германии?

В Италии, несмотря на ее упадок, будем думать, временный, — можно жить и дышать по человечески, среди народа, который, по-видимому, создан для свободы. Италия, даже буржуазная Италия, может с гордостью указать нам на таких людей, как Мадзини и Гарибальди⁹. В Германии дышится страшной атмосферой политического и социального рабства, объясняемого по философски и принятого великим народом добровольно, с чувством отчаянья. Герои Германии (я тут имею в виду современную Германию, а не будущую, говорю о дворянской, бюрократической, политической и буржуазной Германии, а не о немецком пролетариате) представляют полную противоположность Мадзини и Гарибальди; эти люди — великий Вильгельм I¹⁰, дикий и наивный представитель протестантского Бога, господина Бисмарк и Мольтке¹¹, генералы Мантейфель¹² и Вердер¹³. Во всех международных отношениях Германия, с первых дней своего существования, медленно и систематически захватывала, завоевывала, всегда была готова надеть на соседние народы ярмо, которое она сама носила добровольно, и следовательно, с того времени, как Германия сложилась в единое сплоченное государство, она сделалась грозой, опасностью для свободы; во всей Европе. Ныне Германия — воплощение грубого, торжествующего сервизма¹⁴. Чтобы увидеть, как теоретический идеализм постоянно и фатально превращается в житейский материализм, достаточно вспомнить в качестве примера все христианские церкви и прежде всего апостольско-римскую*.

«Один из главных атрибутов бессмертных Богов, — говорит Бакунин, — это, как известно, право быть законодателем и человеческого общества, основателем государства»**. Люди сами не в состоянии различать, что есть добро, а что — зло, что справедливо, а что — нет. «Потому-то, — продолжает Бакунин, — нужно было, чтобы Божество снизошло на землю и завело политический и гражданский строй. Отсюда законы получают священную санкцию, и им нужно безусловно подчиняться»***.

* Бакунин. *Œuvres*, стр. 27 и 28.

** Бакунин. *Œuvres*, стр. 134.

*** *Ibid.*, стр. 135.

«Общество управляется обычаями, или традиционными привычками, но отнюдь не законами. Оно медленно прогрессирует, благодаря импульсам, получаемым от индивидуальных инициатив, а не вследствие мысли или воли законодателя. Существуют законы, управляющие обществом, но это естественные законы, неразлучные с общественным телом, подобно физическим законам, неотделимым от тел физических»*.

Государство не есть непосредственный продукт природы, оно не предшествует, подобно обществу, пробуждению сознательности у человека.

Бакунин усиленно выступает против теории, что государство представляет коллективные интересы общества и что только частично ограничивает свободу людей, чтобы после этого обеспечить пользование ею в полной мере. Свобода, по его мнению, — нераздробляема, и немислимо ограничивать ее в части, так как это может совсем погубить ее. Он предупреждает, что демократическое государство, основывающееся на всеобщем избирательном праве, — республика, может угнетать граждан даже более, чем монархия, если во имя интересов общества, как целого, оно станет пользоваться правом ограничения воли единичных личностей.

Всякое государство, под угрозой гибели, должно стремиться к увеличению своего могущества, к расширению своих владений, к поглощению владений соседних государств.

Во имя государственных интересов совершается много подлостей; все поступки рассматриваются государственными людьми с точки зрения интересов государства. То, что им соответствует — хорошо, что противоречит — дурно.

«Всякое государство, как и всякая теология, считает человека злым и ненадежным»**.

Бакунин выступает против утверждения сторонников свободного государства, что большинство в обществе всегда с осторожностью выбирает правительство из среды достойнейших и наиболее ответственных людей. По его мнению, это не так, ибо такое общество было бы настолько совершенно, разумно и справедливо, что вообще правительство стало бы излишним***.

По Бакунину правительство над массами, составленное ими самими, — это фикция. Их умственный уровень значительно ниже умственного уровня буржуазии; массы, лишённые свободного времени, фактически вынуждены отдать власть в руки высших кругов****.

* Ibid., стр. 141.

** Бакунин. *Œuvres*, стр. 158.

*** Бакунин. *Œuvres*, стр. 169–170.

**** Ibid., стр. 173–174.

Бакунин оговаривается, что, критикуя демократические институты, он не желает этим говорить в пользу монархии. Самая плохая республика все же лучше, чем просвещеннейшая монархия. В первой — народ, сколько бы его ни эксплуатировали, все же не находится в положении угнетенного, а массы постоянно развиваются, вследствие участия в общественной жизни. Во втором — народ угнетен и в общественной жизни не может участвовать. Невозможность согласовать это утверждение с вышеприведенным следует отнести на счет непоследовательности или отрывочности и незаконченности изложения в сочинениях Бакунина.

Признавая, однако, превосходство республики над монархией, Бакунин утверждает, что пока будут существовать различия в размерах собственности, возникшие из наследственного перехода имуществ, различия в законе или в образовании, до тех пор при всяких формах правления большинство будет эксплуатироваться привилегированным меньшинством. Далее он указывает на то, что если даже в демократическом государстве, пользующемся избираемостью членов правительства, выбор упадет на лучших, ученейших и наиболее преданных обществу людей, — это приведет в конце концов к расколу народа на две части: правящих, составляющих ничтожное меньшинство, и управляемых, представляющих собою громадное большинство. Правда, первоначально между этими группами не будет резких различий, но такое положение не может быть долговечным.

Бакунин полагает, что обладание властью портит даже лучших людей: порождает пренебрежение к массам, с одной стороны, и чрезмерную оценку своих заслуг — с другой*.

«Государство — это отвлеченность, абстракция, пожирающая народную жизнь, но чтобы какая-нибудь отвлеченность могла возникнуть, развиваться и продолжать свое бытие в реальной жизни, нужно, чтобы собирательное тело... было заинтересовано в ее существовании. Этим телом не может быть народная масса, ибо она именно является здесь жертвой: таковым должно быть какое-нибудь привилегированное собирательное тело»**.

Патриотизм — это, по мнению Бакунина, коллективный эгоизм, с одной стороны, и война — с другой. Он здесь имеет в виду внутреннюю солидарность и внешний антагонизм***. В патриотизме он видит

* Ibid., стр. 176–177.

** Бакунин. *Œuvres*, стр. 226.

*** Ibid., стр. 234.

четыре элемента: 1) естественный и физиологический, 2) экономический, 3) политический, 4) религиозный или фанатический*.

Естественный или физиологический элемент Бакунин считает явлением прирожденным. Он имеет место в среде людей, стоящих на низшей ступени социального развития.

«Патриотизм, как природное чувство, будучи в существе своем и в действительности чувством чисто местным, является солидным препятствием при формировке государств»**. Следовательно, государство вместе со своей цивилизацией могло образоваться лишь на разрушении патриотизмов местных.

Бакунин имел намеренье подвергнуть критике еще и патриотизм экономический, политический и религиозный, однако труда этого не исполнил.

«Бунт против природных влияний общества, — говорит Бакунин, — значительно труднее борьбы или бунта против официально организованного общества — государства»***.

Свобода человека основывается единственно на том, что он послушен естественным законам, ибо он сам признал их таковыми, а не потому, что они были ему навязаны извне чужой волей, божьей или человеческой, собирательной или личной.

Представьте себе ученую академию, составленную из знаменитейших представителей науки, и вообразите, что этой академии поручено законодательство и организация общества, и что она, вдохновленная лишь любовью к чистой истине, диктует обществу только законы, безусловно согласные с новейшими открытиями науки. И вот, что касается меня, утверждаю, что это законодательство, эта организация будет чем-то отвратительным, по двум причинам. Во-первых, потому, что человеческое знание по необходимости несовершенно и, сравнивая то, что уже открыто, с тем, что еще остается открыть, можно сказать, что наука все еще находится в колыбели. А затем, если бы пожелали заставить людей, чтобы они свою практическую жизнь, как общественную, так и личную, точно и исключительно применяли к последним выводам науки, то все общество и отдельные индивидуумы этим бы приговорили к мукам Прокруста...¹⁵ Эти муки вскоре привели бы к тому, что задушили бы и разбили жизнь, как общественную, так и индивидуальную, ибо одна и другая всегда бесконечно шире, чем знание.

Вторая причина — следующая: общество, которое было бы послушно законодательству, исходящему из ученой академии, по-

* Ibid., стр. 227.

** Ibid., стр. 246.

*** Ibid., стр. 283.

слушное не потому, что само поняло его характер (в таком случае существование подобной академии было бы ненужным), — но потому, что это законодательство академии было бы ему навязано во имя науки, которую оно чтит, не зная за что, — такое, повторяю, общество состояло бы из скотов»*.

В качестве третьей причины негодности законодательства, исходящего из ученой академии, Бакунин называет хорошо всем известную испорченность официальных ученых учреждений.

Привилегированные академии портят ученых. Если бы этим учреждениям были поручены законодательство и власть в обществе, тогда входящие в их состав ученые перестали бы заниматься наукой и деятельность свою направили бы на упрочение своего влияния и власти.

«Господство знания и людей науки, если бы ими были даже позитивисты, последователи Огюста Конта, или ученики доктринерской школы немецкого коммунизма**, может быть только бессильным, смешным, бесчеловечным, жестоким, угнетающим, эксплуатирующим и вредным. О людях науки, как таковых, можно сказать то, что я сказал о метафизиках и теологах: по отношению к индивидуальным, живым существам — они бесчувственны. Нельзя их даже упрекать в этом, ибо это естественный результат их профессии. Поскольку они люди науки, постольку они заняты лишь общими понятиями»***.

«Из всех деспотизмов наихудший это деспотизм доктринеров и религиозных прорицателей. Они столь ревнивы к славе своего Бога и триумфу своей идеи, что не имеют уже сочувствия свободе, человеческому достоинству и даже страданиям живых, настоящих людей.

Усердие в божественных делах, исключительное посвящение себя идее, иссушают в конце концов даже в нежнейших душах, в самых сострадательных сердцах источники человеческой любви. Смотря на все, что происходит на свете, с точки зрения вечности или абстрактной идеи, они относятся с пренебрежением к вещам преходящим; люди суть существа с бытием преходящим; их место заступают существа также преходящие, не возвращающиеся никогда в свой прежний земной образ. Постоянным или относительно вечным является только человечество, которое развивается из поколения в поколение бесконечно»****.

* Бакунин. Бог и государство, стр. 16 и 17.

** Марксисты.

*** Бакунин. Бог и государство, стр. 36.

**** Бакунин. Бог и государство, стр. 35.

«Если народ должен остерегаться правления ученых, то тем более он должен вооружиться против правления восторженных идеалистов.

Чем более верующие и жрецы неба становятся искренними, тем более они опасны. Научная абстракция, как уже было упомянуто, есть абстракция логическая, истинная в своем содержании, неизбежная для жизни, которой она является теоретическим отражением, или, если угодно, теоретическим сознанием... Абстракция идеалистическая — это едкая отравка, которая разлагает и губит жизнь, обманывает и убивает»*.

Как мы уже видели, Бакунин обнаружил причину противоречия между теорией и практикой идеализма. Паря в облаках, идеалисты третируют реальный мир, не борются в нем со злом, недостаточно оценивают внешние условия человеческой жизни, от которых зависит внутреннее ее совершенствование. Вместо того, чтобы начать свою работу с перемены этих объективных условий с целью сделать возможным для людей всестороннее развитие, обеспечив им необходимые средства к существованию, устранив стеснительные учреждения, идеалисты хотят начать с самого трудного — с развития духа.

Страстно критикуя религию и государство в их различных видоизменениях, Бакунин признает их необходимыми в известных фазах развития человечества и не отрицает за ними относительной ценности.

Любопытны взгляды Бакунина на значение науки и отношение ее к жизни.

Позитивная наука должна занять место религии, анархия — место государственности.

Бакунин хочет, чтобы наука отвечала следующим условиям: чтобы она освободилась от влияния какой бы то ни было религии, порвала с метафизикой, старалась охватить не только сферу частных явлений, но и мир, как целое, не ограничивалась исключительно анализом явлений, но стремилась бы к созданию синтеза. Этот последний следует, однако, считать гипотезой, имеющей лишь относительное значение, пока она целиком не будет подтверждена строгим опытным анализом и критикой**.

Бакунин полагал вместе с Контом, что социальная жизнь подчинена известным законам. Он понимал также великое значение новой науки — социологии, справедливо утверждая, что значение законов социальной жизни имеет для человечества громадный практический смысл. Будучи убежденным в серьезном значении

* Ibid., стр. 42 и 43.

** Бакунин. *Œuvres*, стр. 68.

социологии и ожидая от нее в будущем крупных результатов, он тем не менее ясно сознавал, что в то время она не развилась настолько, чтобы ее выводы могли быть точно сформулированы и чтобы можно было с полным доверием руководиться ими в общественной жизни. Бакунин считает социологию труднейшей из наук и полагает, что пройдут целые века прежде, чем она дойдет до той степени, на которой стоят науки, изучающие иные категории явлений в мире*.

Однако, желая освободиться из-под тягостных условий, среди которых приходится жить, должны ли мы ждать, пока наука социологии сделает вперед крупные шаги и даст нам вполне определенные указания? Ничуть — отвечает Бакунин. Для этого нужно было бы обладать неслыханным терпением; затем, предположив даже, что наши знания о социальных отношениях были бы достаточно обширны, следовало бы еще задуматься над тем, что представляло бы собою общество, если бы оно было только практическим применением науки**? «Представляло бы собою безжизненную оболочку», — отвечает Бакунин.

«Общая идея есть всегда абстракция, отвлеченность, и тем самым является как бы отрицанием реальной жизни. Наука, знание может в фактах действительности определять главную мысль, постоянные отношения, одним словом, то, что есть постоянного в бесконечных видоизменениях, но оно отнюдь не в состоянии охватить в этих фактах материальной, индивидуальной стороны самой жизни... Знание занимает мысль о действительности, но не сама действительность, мысль о жизни, а не сама жизнь. Вот его рамки, единственные рамки, из которых оно не может выйти, ибо они находятся в природе мысли, единственного органа знания.

От природы этого знания зависят непоколебимые законы и великая миссия науки, но вместе с тем и житейское ее бессилие и даже ее вредное влияние, поскольку она присваивает себе чрез посредство своих официальных и патентованных представителей право управлять жизнью. Миссия науки заключается в констатировании общих взаимоотношений преходящих и реальных вещей: изучая главные законы, которые связаны с развитием явлений физического и социального мира, наука строит, так сказать, прочные ступени прогрессивного движения человечества, указывая на общие условия, точное наблюдение которых неизбежно, а незнание их или пренебрежение ими бывает всегда роковым. Словом, наука — это бусоль¹⁶ жизни, но не сама жизнь. Наука неизменна, безлична, обща, отвлеченна,

* Ibid., стр. 68.

** Бакунин. *Œuvres*, стр. 75.

бесчувственна, как законы, которых она является идеальным, рефлексивным, т. е. мозговым воспроизведением. Жизнь же скоротечна и мимолетна, но вместе с тем в ней бьется действительность и индивидуальность, чувство страдания, блаженство, надежда, потребности и страсти. Она-то стихийным образом создает вещи и реальные существа. Наука ничего не создает, она лишь констатирует и познает продукт жизни»*.

В этом блестящем противополжении абстрактности науки — конкретности жизни Бакунин чрезвычайно метко определил сферу влияния науки.

Наука дает нам прежде всего метод рассуждения, указания для деятельности. Однако исключительно применение отвлеченных истин к жизни требует специальных способностей ориентировки, способности чувствовать происходящие вокруг жизненные процессы.

Общественная деятельность требует творчества, которого наука сама по себе дать не может, но может все же направлять наше творчество и оценивать его плоды, что очень важно.

Рассуждения свои о науке и жизни Бакунин заключил в сжатой формуле, что жизнь шире, глубже и растяжимее науки и никогда ею не будет исчерпана**.

«Знание не может выйти из сферы отвлечения. В этом отношении оно значительно ниже искусства, которое также занимается только типами и общими положениями, но, благодаря своему особому методу, становится их воплощением. Несомненно, что сказанные формы искусства — не жизнь, тем не менее вызывают в нашем воображении воспоминание и чувство жизни; искусство известным образом индивидуализирует понятия им типы и положения; умея создавать лишенные плоти и крови, вечные, бессмертные индивидуальности, оно воспроизводит в них существа живые, действительные, которые являются пред нашими взорами и снова исчезают. Искусство, следовательно, есть известного рода поворот от абстракции к жизни. Знание, наоборот, есть постоянное жертвоприношение мимолетной, преходящей, но действительной жизни, на алтаре отвлеченного знания»***.

Ныне искусство пошло еще дальше в направлении индивидуализирования и конкретности. Можно даже сказать, что эти последние определяют качества данного произведения искусства.

Из мест, процитированных выше, ничуть, однако, не следует, что Бакунин не признавал авторитета знания. «Когда идет речь

* Бакунин. Бог и государство, стр. 35 и 36.

** Бакунин. Œuvres, стр. 76.

*** Бакунин. Бог и государство, стр. 37.

о сапогах, я обращаюсь к компетенции сапожников; когда говорят о сооружении дома, канала или железной дороги, я ищу разъяснений у архитектора или инженера. Во всяком специальном вопросе я обращаюсь к помощи того или иного ученого. Но не позволю, чтобы мне навязывали: сапожника, архитектора или инженера. Добровольно принимаю их мнения с полным уважением, которое могут заслуживать их развитие, характер и знания, оставляя за собою каждый раз неоспоримое право критики и контроля.

Я не удовлетворяюсь советом одного только специального авторитета, я обращаюсь к нескольким, сравниваю их мнения и избираю то, которое мне кажется наиболее справедливым. Но несмотря на все уважение, которое я мог бы питать к человеческим чувствам и искренности того или иного лица, я никому не верю — безусловно. Такая вера была бы гибелью для моего разума и моей свободы*.

Преклоняюсь перед авторитетом специалистов какой-либо профессии потому лишь, что его предлагает мне мой собственный разум. Знаю, что я буду в состоянии овладеть лишь небольшой частичкой человеческого знания во всех его деталях, во всем его положительном развитии. Обнять все знание — для этого не хватило бы величайшего интеллекта. Отсюда для науки, как равно и для промышленности, вытекает необходимость разделения и обобществления труда. Я получаю и я даю — так будет всегда. Каждый по очереди управляет и становится управляемым. Не существует, стало быть, вовсе власти постоянной и неизменной, но есть постоянная перемена власти и подчинения, взаимных, временных и прежде всего добровольных.

Это же соображение запрещает мне признать постоянный, бессменный и всеобщий авторитет, ибо не существует человека вполне всестороннего, человека, способного объять все богатство частных, без которых применение науки к жизни представляется невозможным... И если бы всесторонность даже могла быть чертой одного человека, который, пользуясь ею, хотел бы навязать нам свой авторитет, то такого человека нужно было бы изгнать из общества, ибо власть его неизбежно привела бы всех других к отупению и рабству. Этим я не хочу сказать, что общество должно притеснять гениальных людей, как это оно делало до сих пор, но не соглашаюсь также с тем, чтобы оно их делало фаворитами, и больше всего не желал бы, чтобы за ними признавались какие-либо привилегии или исключительные права, — все это по трем следующим причинам: во первых — потому, что общество могло бы часто счесть гениальным человеком шарлатана; во-вторых — оно могло бы вследствие системы при-

* Бакунин. Бог и государство, стр. 18.

вилегий сделать шарлатаном даже истинно гениального человека, сдеморализировать его и оглупить; наконец, потому, что общество таким образом поставило бы над собой господина»*.

Бакунин требует демократизации науки, распространения ее среди всего общества, сближения науки с жизнью, а чрез это оживления ее и направления внимания на многие вопросы, которые до сего времени обходились.

«Необходимо, чтобы место специальной организации ученых заняло общее просвещение, равное для всех, чтобы таким путем массы перестали быть стадами, которых ведут и стригут привилегированные пастыри, и могли сами управлять своей судьбой»**.

Под равным для всех просвещением Бакунин понимал, вероятно, не какой-либо однообразный шаблон, но возможность для всех одинаковым образом пользоваться просвещением. Наше предположение мы основываем на том ударе, которое великий анархист делает в другом месте на необходимости большей индивидуализации в воспитании и образовании и с которым добивается в этом отношении уважения к свободе и темпераменту детей***.

До сих пор мы видели, что Бакунин противопоставляет религии, метафизике и идеализму вообще научный реализм, или позитивизм, искусство и самое широкое просвещение, основанное на новой воспитательной системе, состоящей в том, чтобы принимать в расчет и вырабатывать самостоятельность инициативы и независимость.

Эти изменения в умственной сфере соответствовали бы изменениям в сфере социальных, экономических и политических отношений.

Бакунин государству противопоставляет объединение отдельных лиц в союзы, последних в общины, общин в округа, округов в провинции, провинции в народ, народов во всеобщий союз человечества. Лица и группы могли бы свободно выступать из союзов, в состав которых они вошли.

Наконец, Бакунин требует уничтожения частной собственности и устройства коллективной.

* Бакунин. Бог и государство, стр. 19.

** Бакунин. Бог и государство, стр. 41 и 42.

*** Бакунин. *Œuvres*, стр. 201.